

НЕПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Анастасия Юрьевна Сидорук

Академия управления МВД России, Москва, Россия, zhzhkaa@mail.ru

Аннотация. В современном контексте при обсуждении ограничений публичной власти особое внимание уделяется механизмам, выходящим за рамки строго формализованных правовых норм. Центральное место среди них занимают неправовые формы регулирования, представляющие собой широкий арсенал инструментов, основанных на нормах морали, общественных ожиданиях, культуроведческих практиках, традициях, идеологических установках и принципах. Этот комплекс механизмов играет значительную роль в формировании границ действия государственных структур, дополняя и иногда замещая правовые средства контроля и сдерживания власти. Обращение к неправовым формам ограничения власти носит не только теоретический интерес, но и имеет практическое значение, так как позволяет выявить и проанализировать способы нормативного воздействия на государственные структуры вне строго юридического поля, обозначить их эффективность и пределы применимости. Этот подход открывает новые перспективы для изучения механизмов сдерживания власти, предлагая альтернативный взгляд на процессы сотрудничества и конфликта между государством и обществом.

Ключевые слова: ограничения, публичная власть, правовые средства, правовое воздействие, неправовые формы ограничения.

Для цитирования: Сидорук А. Ю. Неправовые формы ограничений публичной власти // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 3 (105). С. 28–38.

Original article

NON-LEGAL FORMS OF RESTRICTION OF PUBLIC POWER

Anastasia Yu. Sidoruk

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, zhzhkaa@mail.ru

Abstract. In the modern context, when discussing the limitations of public power, special attention is paid to mechanisms that go beyond strictly formalized legal norms. The central place among them is occupied by non-legal forms of regulation, which represent a wide arsenal of tools based on moral norms, public expectations, cultural practices, traditions, ideological attitudes and principles. This set of mechanisms plays a significant role in shaping the boundaries of government structures, complementing and sometimes replacing legal means of control and restraint of power. The appeal to non-legal forms of restriction of power is not only of theoretical interest, but also has practical significance, since it allows us to identify and analyze ways of normative influence on state structures outside the strictly legal field, to identify their effectiveness and limits of applicability. This approach opens up new perspectives for studying the mechanisms of restraint of power, offering an alternative view of the processes of cooperation and conflict between the state and society.

Keywords: restrictions, public authority, legal means, legal impact, illegal forms of restriction.

For citation: Sidoruk A. Yu. Non-legal forms of restriction of public power // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (105). P. 28–38. (In Russ.)

Введение

В современном мире, где государство и публичная власть продолжают быть ключе-

выми аспектами обеспечения порядка и благосостояния общества, принято обращать внимание не только на официально закре-

© Сидорук А. Ю., 2024

пленные в законодательных актах формы контроля и ограничения власти, но и на неправовые механизмы. Эти механизмы оказывают значительное влияние на поведение государственных структур и должностных лиц, дополняя и иногда даже заменяя собой правовые нормы.

Неправовые формы ограничений опираются на моральные, этические, культурные и социальные нормы и ценности. Они включают в себя общественное мнение, средства массовой информации (далее – СМИ), активность гражданских движений, моральный авторитет определенных личностей и организаций. Важно отметить, что эффективность этих неправовых механизмов напрямую зависит от гражданской активности населения, уровня свободы прессы и доступа к информации, а также от культурных особенностей той или иной страны.

Проявления этих неправовых форм ограничения можно наблюдать в действиях активных граждан, направленных на борьбу с коррупцией, нарушениями прав человека, экологическими проблемами. Уникальность неправовых форм ограничений заключается в их гибкости и способности адаптироваться к изменяющимся социокультурным условиям общества, что делает их эффективным инструментом ограничения власти в условиях, когда правовая система оказывается не способна оперативно реагировать на новые вызовы и тренды.

Таким образом, неправовые формы ограничений играют не менее важную роль в балансе между властью и обществом, чем законодательство.

Они формируют дополнительные инструменты для контроля за публичной властью, обеспечивают более глубокую вовлеченность граждан в процессы государственного управления и защиты прав и свобод человека.

Методы

Методологическая основа исследования базируется на всеобщем диалектическом методе познания, который позволил всесторонне исследовать неправовые формы ограничений публичной власти, в частности, полно

и объективно исследовать роль факторов внешней среды в формировании ограничений публичной власти; показать взаимообусловленность устойчивости и изменчивости общественных отношений, относительности и подвижности границ государственной деятельности. В процессе написания научной статьи были применены общенаучные методы: анализ и синтез, обобщение, абстрагирование, индукция и дедукция.

Результаты

Воздействие права на общественные отношения осуществляется с помощью системы самых разных средств, способов, приемов. Ограничение публичной власти через неправовые формы является важным средством воздействия, позволяющим обеспечить ее ответственность перед обществом и предотвратить злоупотребления.

Избежать негативного воздействия власти на народ и на саму себя можно лишь в том случае, если она будет ограничена какими-то пределами [1]. В научной литературе обеспечение таких пределов, как правило, связывается с внешним воздействием на природу власти [2], однако следует отметить, что и сама власть может создавать их с целью самоограничения.

Право представляет собой лишь одну из форм общественного регулирования. В любой общественно-экономической формации наряду с правом и в неразрывном контакте с ним действуют и другие (неправовые) формы общественного регулирования, в том числе нравственность, неправовые нормы общественных организаций, обычаи.

Важно отметить, что в рамках системы социального воздействия правовое взаимодействует с психологическим, экономическим, политическим, организационно-управленческим и культурным воздействием. Сложная сущность социального воздействия предполагает наличие различных форм воздействия, где правовые нормы и институты могут как сочетаться, так и противоречить другим направлениям. Примечательно, по мнению Ю. С. Решетова, «что в реализации права концентрируются результаты как специально-юридического (правового),

так и информационного, воспитательного и ценностно-ориентационного воздействия права» [3, с. 24].

Для того чтобы разобраться в существующих мнениях по вопросу о понимании ограничений в праве, необходимо прежде всего принимать во внимание, что в самом широком смысле ограничение может интерпретироваться в качестве процесса, характеризующего право в его действии, функционировании [4, с. 322]. Всякое правовое воздействие подразумевает установление границ и/или уменьшение объема свободы субъектов, и в этом смысле ограничение предстает как момент любого правового воздействия (действия права вообще).

По мнению В. Гумбольдта, «за пределами деятельности государства должны находиться следующие сферы: брак, воспитание, религия, любая деятельность граждан, не нарушающая права других (иначе, частная жизнь)» [5, с. 125]. К сфере невмешательства государства А. М. Витченко относит: «научное, техническое, художественное творчество, свободу совести, личную жизнь граждан, интимные отношения, сферу быта и т. д. Вмешательство сюда принесло бы больше вреда, нежели пользы» [6, с. 7]. Как справедливо отмечает Д. В. Пожарский, в настоящее время наблюдается рост активности государства в управлении социальными процессами, что вполне закономерно и в целом приобретает характер устойчивой тенденции [7, с. 39].

Справедливо замечает В. К. Самигуллин: «Что же касается свобод человека, то в этом понятии отражается то обстоятельство, что в своих социальных притязаниях человек рассчитывает (может и должен рассчитывать) на пассивную обязанность государства не вмешиваться без законных на то оснований, т. е. произвольно, в те или иные области его личной и общественной жизни (свобода вероисповедания, свобода слова и др.)» [8, с. 26], с чем, нам кажется, следует согласиться. Так, учитывая, что ограничения – это меры, направленные на реализацию позитивных прав и свобод человека и гражданина, исключаящие нелегитимные

способы, формы их реализации, можно классифицировать как экономические, социальные, политические, правовые и другие.

Трансформация систем социальных ограничений весьма актуальна как в России, так и во всем мире в результате процессов глобализации, переселения народов, цифровизации и виртуализации правового пространства. Политические, правовые, экономические, информационные, демографические границы постоянно меняются, и без понимания системы социальных ограничений адекватно воспринять, понять и выстроить систему ограничений публичной власти вряд ли возможно.

Влияние экономических факторов на формирование границ публичной власти зависит от конкретно-исторических условий, обусловлено уровнем культуры, научно-техническим прогрессом, информатизацией общества, международной обстановкой и другими факторами. Экономические факторы играют заметную роль в формировании границ деятельности государства и его институтов, выступая одним из ключевых внеправовых механизмов ограничения публичной власти. Они влияют на возможности и методы управления государством, определяя через финансовые ресурсы экономическую политику и экономический цикл, спектр властных полномочий и их реализацию.

Роль государства, по мнению Л. И. Веленто, «должна заключаться в предотвращении конфликтов между различными субъектами, в создании механизмов их разрешения» [9, с. 7]. Таким образом, следует признать, что государство оказывает непосредственное воздействие на развитие и функционирование института собственности.

Гарантии, предоставленные Конституцией Российской Федерации, охватывают широкий спектр экономической жизни страны. Среди них – обеспечение единства экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, а также поддержка конкуренции и свободы экономической деятельности (ч. 1 ст. 8). Важно понимать, что эти гарантии не

лишают государство права на вмешательство в экономику. Однако, как справедливо указывает Г. А. Гаджиев, «основные экономические права имеют естественно-правовой характер и не могут произвольно ограничиваться государством» [10, с. 154]. Гарантией экономической независимости является принцип неприкосновенности частной собственности, который направлен против антиправового, произвольного вмешательства в дела общества и гражданина со стороны государства [11, с. 140].

Экономика, в свою очередь, ограничивает свободу государства объемом материальных ресурсов; формирует мотивы поведения властных субъектов в экономической сфере. Ограничения публичной власти находят свое выражение в ограничениях на перемещение, использование и обладание экономическими ресурсами (сырьем, энергией, изделиями, продовольствием) и средствами их обмена и символического выражения (деньгами, акциями).

Определенный тип социально-экономической системы формируется через взаимодействие государства, права и экономики. В современных условиях в Америке, России, большинстве развитых государств Европы, преобладает социально ориентированная модель экономики, которая поддерживает одновременное перераспределение накопленных для обеспечения социальной защиты граждан. В. В. Лазарев указывает на факторы, которые ограничивают законодательное регулирование экономики, такие как наличие основных средств производства в собственности государства, что предполагает централизованное регулирование ряда вопросов [12, с. 21].

В будущем государство должно придерживаться следующих приоритетных направлений развития: развитие всех форм собственности с особым акцентом на частную собственность; создание саморе-

гулирующейся экономики, в которой государство будет оказывать воздействие в определенных границах и взаимодействовать с государственными и негосударственными институтами. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что право собственности может быть ограничено: «Вмешательство государства в отношении собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью»¹. Экономические санкции, применяемые другими государствами или международными организациями, становятся инструментом ограничения правительственной политики, воздействуя на экономическую стабильность страны. Такие меры могут стимулировать государство к пересмотру своих внешних или внутренних стратегий, давая толчок к изменениям в более либеральную и открытую сторону.

Таким образом, масштаб воздействия государства на экономику зависит от разнообразных внешних и внутренних факторов, таких как социально-политический контекст развития государства, уровень демократии и другие аспекты.

В российском обществе с разнообразным национальным и религиозным составом, где культурные традиции глубоко укоренены в психологии народа, публичная власть нередко сталкивается с необходимостью адаптации к этим условиям для поддержания социального порядка и гармоничного развития. Культурные (национальные-духовные, этноконфессиональные) факторы развития общества определяют деятельность власти и ее ограничения. В области политики, государства и права практически отсутствуют отношения, которые были бы выше оценок на основе моральных категорий, таких как добро и

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. В. Янмаевой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2019 г. № 18-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2019. № 17. Ст. 2189.

зло. Существующие моральные ограничения для деятельности государства определяются самой природой морали. Например, государственное вмешательство ограничено наличием «чистой сферы морального действия» (межличностные отношения, например, дружба, любовь, уважение и т. д.). Нравственные отношения, регулируемые исключительно моральными правилами, связаны с интимной стороной духовной жизни человека и не могут быть подвергнуты внешнему вмешательству со стороны государства и права. Мы согласны с точкой зрения О. И. Цыбулевской о том, что «закон не должен вмешиваться в дела частного морального поведения, за исключением случаев, когда необходимо поддерживать общественный порядок и защищать граждан от нанесения им ущерба и оскорблений» [13, с. 71].

Принимаемые и широко используемые в последнее время властными субъектами этические кодексы свидетельствуют о повышении значимости морали, о востребовании ее не только гражданским обществом, но и государством [14, с. 99]. Т. В. Милушева выделяет этическим критерием деятельности властных субъектов справедливость [15, с. 73]. Для того чтобы деятельность должностных лиц соответствовала нормам морали и способствовала повышению авторитета государства, они должны реализовывать интересы граждан при принятии государственных решений. В реальной жизни моральные и правовые цели и средства, с одной стороны, «подпитывают» друг друга, а с другой – могут вступать в противоречия [16, с. 26].

«Этические (морально-нравственные) ограничения как представления о хорошем и плохом, допустимом или недопустимом, должном или не должном в очень значительной степени детерминируют не только правовые, но и экономические, политико-управленческие, научно-технические, образовательно-информационные, военно-силовые сферы и отношения общества» [17, с. 10]. По мнению Н. М. Колосовой, моральные ограничения влекут за собой нравственную ответственность, понимаемую как «ответственность власти за реализацию своих

полномочий на основе требований морали, справедливости» [18, с. 16]. Взаимодействие правовой жизни и нравственной жизни проявляется в различных аспектах современного общества.

Этноконфессиональные факторы вносят свои коррективы и в процесс национального самоопределения, создавая условия для появления местных форм автономии и специфических управленческих структур, учитывающих особенности местного населения. Такой подход позволяет минимизировать централизованное давление властных структур, предоставляя возможность для сохранения исторически сложившихся порядков и предотвращая этнокультурные конфликты.

Неправовые ограничения, базирующиеся на культурных и этноконфессиональных особенностях, обогащают механизмы управления, делая их более гибкими и адаптированными к спецификации региона и страны. Это, в свою очередь, способствует повышению эффективности власти и укреплению доверия со стороны общества, становясь существенным элементом стабильности и прогресса. Считаю целесообразным согласиться с мнением А. Г. Репьева, что необходимо стремиться к «повышению уровня правовой культуры, правового сознания, укреплению высоких нравственных ценностных установок, формированию сознательного отношения к служебному долгу, совершенствованию антикоррупционных стандартов поведения, культивированию моральных и этических принципов на государственной службе и в быту» [19, с. 103].

Таким образом, неправовые ограничения публичной власти задают обществу его ценностно-целевую, программно-концептуальную детерминацию; могут быть выражены в нескольких видах ограничений, например: нравственно-этические (эстетические установки, научные парадигмы), правовые (правосознание, принципы, правовое государство) и т. п.

В контексте ограничения публичной власти политические факторы играют ключевую роль, выступая в качестве неправовых механизмов регуляции. Политические

ограничения примечательны своей способностью воздействовать на процесс принятия решений на всех уровнях управления, зачастую опережая или дополняя юридические механизмы контроля.

Особенно важную роль эти ограничения играют в демократических странах, где свободные выборы, плюрализм мнений и свобода слова создают условия для активной конкуренции между политическими силами. В таких условиях публичная власть оказывается под пристальным контролем не только со стороны оппозиции, но и со стороны независимых СМИ, общественных и неправительственных организаций, а также активного гражданского общества. Государства, стремящиеся к участию в международных организациях или получению экономических преференций, могут подвергаться давлению в целях соблюдения этих стандартов, что также является формой политического ограничения их внутренней политики.

Таким образом, политические ограничения публичной власти выступают в качестве важного элемента баланса между властью и обществом, дополняя юридические механизмы защиты прав и свобод граждан.

Стоит заметить, что посредством установления ограничений на практике может одновременно стимулироваться поведение, способствующее реализации общезначимых интересов (наряду с элиминированием поведения, препятствующего реализации общезначимых интересов). Так, ограничения, устанавливаемые в сфере экологии, связаны с необходимостью защиты окружающей среды, они могут как препятствовать поведению, которое может нанести вред окружающей среде, так и стимулировать поведение, связанное, например, с инвестициями в экологически чистые технологии и способы производства. В этой связи верно отмечает А. С. Галанов, что «обеспечение экологической безопасности должно сочетать в себе как позитивную, так и правоограничительную составляющие» [20, с. 62].

Одной из важных форм «неправового» ограничения публичной власти выступают экологические ограничения, выражающи-

еся в различных формах, которые накладывают определенные обязательства на государство по защите окружающей среды. Экологические ограничения действуют как своеобразный баланс власти, напоминая государственным структурам о необходимости учитывать долгосрочные экологические последствия своих решений. Они подчеркивают важность принципа предосторожности и необходимость ведения диалога со всеми заинтересованными сторонами перед реализацией любых значительных проектов. В результате экологические ограничения способствуют формированию более ответственной и устойчивой государственной политики, что приводит к сохранению биоразнообразия и природных ресурсов для будущих поколений.

Хочется подчеркнуть, что успешное управление страной, обеспечивающее ее прогресс в экономике, духовной и социальной сферах, достигается через эффективное осуществление властных полномочий, переданных различными структурами, а именно народом как источником власти. Воздействие гражданского общества на государство является одним из политических факторов, ограничивающих публичную власть. Это воздействие осуществляется главным образом в правовой форме в рамках политической системы общества и придает публичной власти легитимность.

Это также включает в себя достижение поставленных целей, выполнение программ и обязательств, регулярную отчетность, реагирование на проблемы граждан, активное общение с ними, признание ошибок и их исправление и другие аспекты. Вследствие этого закрепленные в Конституции Российской Федерации основные права наделяют государство не только лишь объективно пассивной обязанностью невмешательства в микросферу, определенные пределами свободы личности, индивида, но и активной обязанностью, заключающейся в правотворческой, судебной, а также конкретно-управленческой деятельности, направленной на содействие реализации прав и свобод, принадлежащих индивиду.

Государство несет обязанности не только перед народом, но и перед личностью. Данный вывод подтверждается правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, который в Постановлении от 20 декабря 1995 г. признал принцип взаимной ответственности государства и личности и закрепил положение о том, что «гражданин и государство в Российской Федерации связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями»¹.

Т. В. Милушева обращает внимание на «обоюдоважное» взаимодействие государства и гражданского общества, выделяя в качестве форм их сотрудничества «взаимное целенаправленное воздействие друг на друга, при определенных пределах вмешательства в целях эффективного выполнения функций и задач; взаимопомощь, взаимный контроль, взаимную ответственность, сотрудничество в решении правовых, социальных, экономических и иных проблем; участие гражданского общества в осуществлении политической власти» [11, с. 141].

Российская модель гражданского общества обусловлена складывающейся рыночной экономикой, а также национальным составом страны, ее культурными, географическими факторами. Таким образом, гражданское общество, объединяя экономическую, политическую и духовно-нравственную сферы жизни, становится мощным инструментом взаимодействия с государством.

Отдельным механизмом в рамках функционирования гражданского общества выступает общественный контроль – процесс, который используется обществом в целом, его отдельными членами, а также государственными и общественными организациями для учета и анализа создания и работы государственных учреждений с намерением их улучшения, служит показателем для оценки их эффективности и продуктивно-

сти. Б. В. Макогон характеризует контроль (надзор) как наиболее показательную форму процессуально-ограничительной деятельности [21, с. 118].

Референдум, выборы, общественный контроль, общественное обсуждение законопроектов, правотворческая инициатива граждан и другие формы участия граждан в политическом процессе должны в полной мере использоваться в развитии демократического потенциала российского государства. Публичной власти следует предпринимать эффективные меры, способствующие повышению уровня правовой культуры. Общество должно состоять из лиц с активной гражданской позицией, убежденных в приоритете прав и свобод человека, с устойчивым иммунитетом к недопущению совершения правонарушений.

Подводя итоги, отметим, что влияние социальной среды на функционирование государства осуществляется в двух направлениях. С одной стороны, само наличие определенных сфер общественной жизни с их «чистыми» зонами, которые регулируются собственными законами и где вмешательство государства может нанести урон его авторитету и легитимности, устанавливает пределы для свободной деятельности государства. Как утверждает А. С. Мордовец, «главная задача государства состоит в укреплении границ между различными сферами: экономической, политической, духовной, – а не в регулировании того, что происходит» [22, с. 49].

Такое поведение не всегда связано со злоупотреблениями, предоставленными должностным лицам полномочиями, преследующими собственные интересы. Оно может быть обусловлено неверным пониманием интересов службы, бюрократизированностью деятельности государственного аппарата и другими обстоятельствами. Тем не менее оно в любом

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 г. № 17-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 6.

случае остается поведением, нарушающим установленный порядок управления, снижающим эффективность самого публичного права, и в этой связи является общественно опасным.

С другой стороны, определенные социальные отношения воздействуют на государственные органы власти, заставляя их адаптировать свои действия в соответствии с реально существующими социальными связями в обществе.

Однако именно право, являясь результатом деятельности публичной власти и ее основным инструментом, наиболее эффективно функционирует как механизм самоограничения этой власти. Таким образом, с позиций современного нормативного правопонимания сущность правового государства связана с двумя аспектами. Во-первых, формально-юридический аспект, проявляющийся в том, что весь процесс деятельности государства вводится в строгие правовые границы с учетом внутрисубъективных и международных норм, также посредством права устанавливаются пределы государственной деятельности, включая формирование, полномочия и функционирование всех государственных органов. Во-вторых, сущность правового государства отобразена также в социально-юридическом аспекте наиболее полного обеспечения и защиты прав и свобод личности.

При всей загруженности государства и другими многочисленными делами именно в этом состоит его главное призвание, высшее предназначение [23, с. 22]. Это связано с воздействием различных факторов, включая социально-политические, культурно-исторические, морально-этические и другие аспекты, которые оказывают объективное влияние на работу государственно-правовой системы. Эти факторы задают материальные, моральные и другие рамки для действий государства, одновременно обеспечивая средства для юридического самоограничения публичной власти.

Заключение

В контексте рассмотрения неправовых форм ограничений публичной власти ста-

новится очевидным, что взаимодействие между государством и обществом является неисчерпаемо вариативным и постоянно эволюционирующим процессом. Несмотря на кажущуюся «непроницаемость» государственных институтов власти для влияния неправовых факторов, на практике оказывается, что общественное мнение, медиа, независимые образовательные и культурные институты способны оказывать значительное влияние на процессы формулирования и принятия решений государственными органами.

Существенное значение в современном мире приобретает публичный контроль за деятельностью государственных органов, осуществляемый не только через прямое участие граждан в выборах или референдумах, но и через массовые информационные каналы, социальные сети, активность гражданских инициатив. Эти механизмы, хотя и находятся за пределами формально оформленного законодательного процесса, оказывают существенное воздействие на формирование политической воли, создавая определенные границы для властных структур.

Прозрачность как основополагающий принцип демократического управления обеспечивается не только правовыми механизмами, но и активной гражданской позицией, способностью общества выстраивать эффективный механизм обратной связи с государством. Важно понимать, что неправовые формы ограничения публичной власти не являются «антагонистами права», они выступают дополнительными регуляторами, направленными на укрепление основ демократической системы, защиту прав и свобод человека.

Таким образом, неправовые механизмы играют ключевую роль в современной системе ограничения публичной власти, демонстрируя необходимость постоянного диалога между государством и обществом, открытости и ответственности власти перед гражданами, а также активного участия каждого человека в процессе управления государством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Милушева Т. В. Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование): дис. ... докт. юр. наук. Саратов, 2011. 433 с.
2. Филипова И. С. Концепции ограничения государственной власти: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юр. наук. Новгород, 2006. 211 с.
3. Решетов С. Ю. Правовое регулирование и реализация права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 3 (29). С. 24–29.
4. Сидорук А. Ю. Правовые ограничения как способ воздействия на публичную власть // Российское государство и вызовы XXI века. Права и обязанности личности: в поисках гражданского согласия: сборник статей Международной конференции к 30-летию Конституции Российской Федерации и 40-летию кафедры государственно-правовых дисциплин. Москва: Академия управления МВД России, 2023. С. 322–325.
5. Гумбольдт В. Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства // Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
6. Витченко А. М. Понятие границ деятельности социалистического государства // Вопросы теории государства и права. Саратов: Саратовский университет, 1988. С. 3–15.
7. Пожарский Д. В. Государство как объект правового просвещения // Алтайский юридический вестник. 2016. № 4 (16). С. 38–41.
8. Самигуллин В. К. О понятии права // Правовая политика и правовая жизнь: Академический и вузовский юридический научный журнал. 2002. № 1 (6). С. 26–30.
9. Веленто Л. И. Пределы деятельности государства (теоретико-правовой анализ внешних форм ограничения). Гродно: ГрГУ, 2001. 109 с.
10. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2002. С. 154–160.
11. Милушева Т. В. Потенциал гражданского общества в установлении границ государственной власти // Ответственность власти перед гражданским обществом: механизмы контроля и взаимодействия. Саратов, 2014. С. 136–144.
12. Лазарев В. В. Регулирующая роль законодательства в процессе перестройки советского общества // Советское государство и право. 1987. № 12. С. 13–21.
13. Цыбулевская О. И. Моральные критерии ограничения прав и свобод личности // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 62–76.
14. Цыбулевская О. И. Роль этических кодексов в нравственном оздоровлении российского общества // Современная юридическая наука и правоприменение (3 Саратовские правовые чтения): сборник тезисов докладов (по материалам Всероссийской научно-практической конференции). Саратов, 2010. С. 99–101.
15. Милушева Т. В. Социальная справедливость как нравственно-правовая основа деятельности публичной власти // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1 (19). С. 71–78.
16. Цыбулевская О. И. Государственная власть: нравственное измерение // Правовая культура. 2014. № 2 (17). С. 21–30.
17. Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Нравственно-правовое измерение пределов государственной власти // Право и современные государства. 2015. № 6. С. 10–17.
18. Колосова Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. Москва: Городец, 2000. 190 с.
19. Репьев А. Г. Правовая культура – неотъемлемый элемент права на иммунитет должностного лица государства // Правовая культура. 2011. № 2. С. 102–105.
20. Галанов А. С. Конституционные основы обеспечения прав граждан на благоприятную окружающую среду и обеспечение экологической безопасности // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2013. № 36. С. 62–68.
21. Макогон Б. В., Косимова М. В. Контроль и надзор в деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5–3 (68). С. 117–120.

22. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н. И. Матузова. Саратов: СВШ МВД РФ, 1996. 285 с.
23. Байтин М. И. Правовое государство: понятие, принципы, формирование // Вестник СГАП. 1995. № 2. С. 18–31.

REFERENCES

1. Milusheva T. V. Limits and Restrictions of State Power (theoretical and legal study): dis. ... doctor of law. Saratov, 2011. 433 p. (In Russ.)
2. Filipova I. S. Concepts of Limitation of State Power: theoretical and legal study: dis. ... candidate of law. Novgorod, 2006. 211 p. (In Russ.)
3. Reshetov S. Yu. Legal regulation and implementation of law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2015. No. 3 (29). P. 24–29. (In Russ.)
4. Sidoryuk A. Yu. Legal restrictions as a way of influencing public authority // The Russian state and the challenges of the 21st century. Rights and responsibilities of the individual: in search of civil harmony: collection of articles from the International Conference for the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 40th anniversary of the Department of State and Legal Disciplines. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 322–325. (In Russ.)
5. Humboldt W. Ideas for the Experience Defining the Boundaries of State Activity // Language and Philosophy of Culture. Moscow: Progress, 1985. 451 p. (In Russ.)
6. Vitchenko A. M. The Concept of the Boundaries of the Activity of a Socialist State // Questions of the Theory of State and Law. Saratov: Saratov University, 1988. P. 3–15. (In Russ.)
7. Pozharsky D. V. The State as an Object of Legal Education // Altai Law Bulletin. 2016. No. 4 (16). P. 38–41. (In Russ.)
8. Samigullin V. K. On the Concept of Law // Legal Policy and Legal Life: Academic and University Legal Scientific Journal. 2002. No. 1 (6). P. 26–30. (In Russ.)
9. Velento L. I. Limits of state activity (theoretical and legal analysis of external forms of restriction). Grodno: Grodno State University, 2001. 109 p. (In Russ.)
10. Gadzhiev G. A. Constitutional principles of market economy (Development of the foundations of civil law in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). Moscow, 2002. P. 154–160. (In Russ.)
11. Milusheva T. V. Potential of civil society in establishing the boundaries of state power // Responsibility of authorities to civil society: mechanisms of control and interaction. Saratov, 2014. P. 136–144. (In Russ.)
12. Lazarev V. V. Regulatory role of legislation in the process of perestroika of Soviet society // Soviet state and law. 1987. No. 12. P. 13–21. (In Russ.)
13. Tsybulevskaya O. I. Moral criteria for limiting the rights and freedoms of the individual // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economy. Management. Law. 2009. No. 11. P. 62–76. (In Russ.)
14. Tsybulevskaya O. I. The role of ethical codes in the moral recovery of Russian society // Modern legal science and law enforcement (3rd Saratov legal readings): collection of abstracts of reports (based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference). Saratov, 2010. P. 99–101. (In Russ.)
15. Milusheva T. V. Social justice as a moral and legal basis for the activities of public authorities // Leningrad Law Journal. 2010. No. 1 (19). P. 71–78. (In Russ.)
16. Tsybulevskaya O. I. State power: moral dimension // Legal culture. 2014. No. 2 (17). P. 21–30. (In Russ.)
17. Tsybulevskaya O. I., Milusheva T. V. Moral and legal dimension of the limits of state power // Law and modern states. 2015. No. 6. P. 10–17. (In Russ.)
18. Kolosova N. M. Constitutional responsibility in the Russian Federation: Responsibility of government bodies and other legal entities for violating the constitutional legislation of the Russian Federation. Moscow: Gorodets, 2000. 190 p. (In Russ.)
19. Repeyev A. G. Legal culture is an integral element of the right to immunity of a state official // Legal culture. 2011. No. 2. P. 102–105. (In Russ.)
20. Galanov A. S. Constitutional foundations for ensuring the rights of citizens to a favorable environment and ensuring environmental safety // Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport. 2013. No. 36. P. 62–68. (In Russ.)

21. Makogon B. V., Kosimova M. V. Control and supervision in the activities of executive bodies of the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 5–3 (68). P. 117–120. (In Russ.)

22. Mordovets A. S. Social and legal mechanism for ensuring human and civil rights / edited by N. I. Matuzov. Saratov: SVSh MVD RF, 1996. 285 p. (In Russ.)

23. Baitin M. I. Rule of law: concept, principles, formation // Bulletin of SGAP. 1995. No. 2. P. 18–31. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. Ю. Сидорук, адъюнкт.

Information about the author:

A. Yu. Sidoruk, adjunct.

Статья поступила в редакцию 06.06.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 06.06.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 27.09.2024.